

**КОНЦЕПЦИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ
В ОСМЫСЛЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ***В. Н. Казьмин, М. В. Казьмина***THE CONCEPT OF PERESTROIKA AND NEW APPROACHES TO UNDERSTANDING
RUSSIAN HISTORY***V. N. Kazmin, M. V. Kazmina*

В статье рассматривается концепция перестройки. Показана эволюция взглядов отечественных исследователей на предмет осмысления истории советского периода.

The paper discusses the concept of perestroika. It demonstrates the evolution of researchers' views in considering the history of the Soviet period.

Ключевые слова: концепция, перестройка, история, советский период.

Keywords: concept, perestroika, history, Soviet period.

Негативные явления в общественно-политической и экономической жизни страны в 70 – 80-е гг. XX в. требовали от руководства государства выработки новых подходов и решений в осуществлении модернизации.

Концепция развитого социализма не только не объясняла существующих в обществе проблем и противоречий, но и консервировала их. Это понимали многие ученые, а также часть партийной элиты, возглавляемая Генеральным Секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым, избранным на этот пост в марте 1985 г.

На апрельском (1985 г.) Пленуме, а затем на XXVI съезде КПСС (1986 г.) была принята установка на ускорение социально-экономического развития страны, которая, как изначально представлялось, не противоречила постулатам марксизма-ленинизма.

Один из инициаторов реформ, А. Н. Яковлев, пишет записку «Императивы политического развития» Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву, в которой определяет основные принципы перестройки.

1. Развитие демократии как цели и средства развития личности.

2. Реформирование всех сторон жизни (экономика и политика). Опережающими темпами должна быть преобразована партия (разделение её на две части – социалистическую и народно-демократическую).

3. Решительность в действиях, проведение (где возможно) локальных экспериментов, в перспективе отмирание ряда государственных функций.

4. Процесс перестройки должен вестись не только сверху, но и снизу, руками масс.

Центральное место в записке А. Н. Яковлева уделялось реформированию выборной системы, гласности и правам человека [19, с. 207 – 209]. Некоторые из этих положений, во многом совпадавших с требованиями правозащитников 1970-х гг., начнут воплощаться в жизнь с 1987 г. М. С. Горбачев в книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» выскажется о неизбежности перемен и необходимости ликвидации механизма торможения социально-экономического развития страны.

В дальнейшем ведущие советские общественеды начинают обосновывать суть этого механизма [10, с. 153]. В политической сфере, по их мнению, он вы-

разился в «...отступлении от ленинского понимания принципа демократического централизма, в засилье централизма и бюрократии, в ограничении и даже подавлении демократизма в организации работы тех или иных звеньев политической системы, государственного управления, общественных организаций, партийного аппарата» [10, с. 154]. В духовной сфере механизм торможения проявлялся в ограничении свободы творческой деятельности.

Итак, перестройка как политика была направлена на раскрытие потенциала социализма, развитие его новых качеств, прежде всего демократических начал. Однако М. С. Горбачев называет перестройку и революцией. Некоторые исследователи считают, что сравнение перестройки с революцией носило пропагандистский характер, так как не ставился вопрос о смене общественного строя и идеологии [13, с. 616]. В поддержку этого утверждения стоит отнести сохранение в стране относительной политической стабильности и веру большинства советских людей в социализм.

В 1990 г. М. С. Горбачев заявил о смене общественной системы в рамках социалистического выбора [18, с. 343]. Концепция перестройки – это еще один яркий пример осуществления «революции сверху». Попытка разрешить назревшие противоречия за счет перераспределения власти в правящей элите, государственном аппарате, посредством этого же государственного аппарата.

Движущей силой перестройки станет необычный союз таких социальных групп, как: часть партийно-государственной номенклатуры, стремящейся любой ценой сохранить власть; часть интеллигенции, усвоившей либерально-демократические, западные ценности; хозяйственники, связанные с криминальными структурами и «теневой» экономикой [5, с. 299].

Решение политических задач в концепции перестройки увязывалось с формированием идеологии обновления, включающей: консолидацию общества на основе идей перестройки; гласность, критический анализ прошлого, освобождение от догматизма; создание нового облика социализма; альтернативный подход к решению той или иной проблемы, проведение дискуссий, социалистический плюрализм; обеспечение прорыва в области теории общественными науками в решении таких проблем, как экономическая реформа, обновление

политической системы, межнациональные отношения, новое политическое мышление [10, с. 399].

По мнению одного из главных идеологов перестройки А. Н. Яковлева, принципиальное различие от прошлой политики состояло во всемерном развитии социалистической демократии и гласности, которую он понимал как «...не просто право говорить обо всем, говорить вслух, ответственно, никого и ничего не боясь, не оскорбляя достоинство других, высказывать и отстаивать собственное мнение, позицию, но и уважать мнение несогласных».

Гласность – это право на собственный анализ положения на всех уровнях – от предприятия до государства» [10, с. 400].

Выдвинутые положения не являлись новаторскими. Во многом они были заимствованы из самиздатовской литературы 1970 – 1980-х гг. Однако А. Н. Яковлев систематизирует взгляды диссидентов, выдвинув теорию «социалистического атеизма». Впоследствии он будет считать, что «...марксизм – не что иное, как псевдонаучная неорелигия, лишь воспринявшая от науки её словесную атрибутику. Неорелигия, подчиненная интересам и капризам военно-бюрократической, абсолютистской власти. Причем многократно и произвольно переключенная. Она не только сочеталась браком с аморальной практикой, но неизбежно изображала ее как научно обоснованную, единственную возможную, объективно обусловленную» [10, с. 204].

Содержательная сущность «социалистического атеизма» состояла в признании марксизма неорелигией, неспособной преобразовать реальную действительность и направлении общественного сознания на восприятие других идеологических ценностей (рынок, либеральные ценности) [10, с. 218].

Взгляды А. Н. Яковлева в понимании марксизма расходились не только с его сторонниками внутри страны, но и с ведущими методологическими направлениями зарубежной истории. В западной историографии модернизированный марксизм переживал в течение длительного времени «ренессанс». По мнению томского историка Б. Г. Могильницкого, «...это был марксизм, критически осмысленный сквозь призму социально-политического и научного опыта XX в.» [8, с. 164].

Один из критиков идеологии перестройки С. Кара-Мурза отметит: «Гласность была программой по разрушению образов, символов и идей, скреплявших гегемонию советского государства. Эта программа была проведена всей силой государственных средств массовой информации с участием авторитетных ученых, поэтов, артистов. Успех этой программы был обеспечен полной блокадой той части интеллигенции, которая зывала к здравому смыслу, и полным недопущением общественного диалога – «реакционное большинство» высказаться не могло» [5, с. 299 – 300].

Претерпевает изменения и концепция общечеловеческих ценностей, изложенная М. С. Горбачевым. В общечеловеческие ценности начинают включаться новые политические и экономические принципы: товарно-денежные отношения, собственность, разделение властей, правовое государство, гражданские и

политические права человека. Позиции идеологов перестройки были закреплены в решениях XIX Всесоюзной конференции КПСС, состоявшейся 28 июня – 1 июля 1988 г.

Следует согласиться с мнением В. В. Согрина, что решения партконференции должны были помочь отстранить от власти консерваторов, сплотить народ вокруг реформаторского курса М. С. Горбачева. Однако М. С. Горбачев не предвидел, «...что уже первые реальные политические свободы нанесут мощный удар по «идейно-политическому единству» советского общества и окажутся смертельно опасными для советской империи» [15, с. 40 – 41].

Н. И. Рыжков, делегат XIX партконференции, отмечал: «...преследовалась цель реформировать, как его тогда называли, реальный социализм в гуманный, «с человеческим лицом». Но постепенно сложилось так, что одна часть реформаторов осталась верна социализму, другая приняла систему капиталистических ценностей, в основном позаимствованных из практики североамериканского индустриального общества» [14, с. 460].

Историк Д. Боффа пришел к выводу: «Мысль Горбачева постоянно претерпевала изменения. Рассматривая нарастающий поток его инициатив, часто задаются вопросом, шла ли речь о подлинной эволюции его мышления или же о тактических приемах человека, который, зная, сколько препятствий ему предстоит преодолеть, не сразу обнаружил свои намерения».

...И вполне вероятно, что в его действиях сосуществовали оба мотива» [2, с. 139].

В 1987 – 1989 гг. происходит «революция в сознании», связанная не с внесением горбачевских принципов «нового мышления», а с развенчанием теории развитого социализма и пропагандой новых идеологических ценностей. В это время создается идеологическая база для демонтажа прежней системы. Средством внесения новой идеологии являлась политика гласности, направленная на преодоление прежних стереотипов социализма.

А. Н. Яковлев заявлял, что на рубеже 1990-х гг. прежняя идеология была разрушена. «Под вопрос было поставлено все: целесообразность социалистического выбора; научная состоятельность марксистской доктрины; правомерность идеологии в целом» [19, с. 234].

Определяются основные направления ухода от прошлого – департизация, демилитаризация, денационализация, деиндустриализация – экологическая, демонополизация, деанархизация. Все это должно способствовать уходу от практики социализма в СССР, которая, по мнению А. Н. Яковлева, «обернулась нищенством, подавлением личности, инквизицией, геноцидом». Эволюция одного из ведущих теоретиков и идеологов КПСС периода перестройки завершилась. Он понял (с 1987 г.), что стоит задача демонтажа системы со всеми её идеологическими, экономическими и политическими корнями [19, с. 417].

Его взгляды находят поддержку и у возникшей оппозиции КПСС на региональном уровне. Один из лидеров «Демократической платформы» в г. Томске С. С. Сулакшин напишет ему письмо о возможности установления контактов и совместных действий в

борьбе за реформирование общества и партии [1, л. 14 – 15].

Начинается реализация предложенных установок в политике и общественных науках. В концентрированном виде новые идеи и подходы были сформулированы в книге «Иного не дано» под редакцией историка, профессора Ю. Н. Афанасьева. Не зря эту книгу назовут «манифестом радикально-перестроечных сил» [3, с. 305].

В сборнике статей рассматривались многообразные проблемы советского общества: экономика, история, культура, политика, социальные вопросы. Среди авторов – известные писатели, публицисты, историки, ученые. Произошло слияние двух волн – представителей диссидентов 1970-х – 1980-х гг. и новых сторонников либеральных ценностей из научной среды.

Основной удар наносился по монополии КПСС в области методологии общественных наук. Начинается процесс формирования методологического плюрализма, который пройдет свои стадии [16]. Главным предметом соперничества становилась историческая наука и оценка советского периода общества. В книге «Иного не дано» этому посвящается целый блок статей. Проблемный характер носили статьи И. Виноградова, М. Гефтера, В. Сироткина, Г. Водолазова и др.

О необходимости нового подхода к исторической науке, оценке советского периода говорилось в статье Ю. Афанасьева «Перестройка и историческое знание». Революционно звучал в статье призыв использовать все позитивное, что накоплено на Западе, в капиталистическом обществе, выйти из состояния «интеллектуальной самоизоляции». Этому должны способствовать знание трудов таких представителей зарубежной гуманитарной и социальной мысли, как Дюркгейм, Вебер, Бродель, Маркузе, Ясперс, Якобсон и др.

Однако ещё в 1970 – 1980 гг. советскими историками был накоплен позитивный методологический потенциал (труды М. А. Барга, П. В. Волобуева, А. В. Гулыги, И. Д. Ковальченко, Ю. М. Лотмана, Б. Г. Могильницкого и др.).

Спустя некоторое время, один из авторов книги «Иного не дано», Ю. Буртин, назовет её «памятником наших ошибок». Однако она отразила настроения значительного числа людей в необходимости перемен в советском обществе, с которыми власть не могла не считаться.

Конечно, потребность разработки новых методологических и концептуальных подходов в осмыслении истории советского общества возникла не с выходом книги «Иного не дано». Проблема была поставлена еще в начале 1960-х гг. Уже тогда один из ведущих советских методологов А. И. Данилов отметил, что западная наука «способна выдвигать существенные вопросы по общественному развитию и принципам исторического познания» [8, с. 112]. Историком М. Я. Гефтером в Институте истории АН СССР создается сектор методологии, который будет ликвидирован в конце 1960-х гг.

В дальнейшем М. Я. Гефтер опубликует ряд методологических статей в самиздатовских сборниках «Память», «Поиски» и др. Но в условиях 1970-х – начале 1980-х гг. его идеи не могли реализоваться. Профессор Б. Г. Могильницкий вспоминает, что в 1974 г. в Том-

ском государственном университете готовилась очередная конференция по историографии и методологии истории. Её организаторы планировали включить и доклад М. Я. Гефтера. Однако приехать в Томск М. Я. Гефтеру не удалось. Ему было отказано в командировке на том основании, что он не представил директору Института всеобщей истории текст доклада для утверждения [8, с. 112].

Новые политические условия перестройки создавали возможности для творчества в области методологии истории. Значительное число обществоведов второй половины 1980-х гг. стояло на позициях модернизации марксистско-ленинской методологии. Многие из них считали необходимым отделить ленинские идеи строительства социализма от реальной сталинской практики их реализации. Они заявляли, что потенциал социализма не исчерпан. Необходимо реформирование системы, а не её слом. Подобное звучало в 1970-е гг. в идеологии диссидентов, сторонников демократического социализма [11, с. 7 – 30].

Историки начинают активно обсуждать проблему «сталинская модель социализма». В ходе дискуссии они пришли к выводу, что нельзя ставить знак равенства между понятиями «сталинская модель социализма» и ленинским планом построения социализма; сталинизмом и советским обществом 1930-х гг.

В полемике конца 1980-х гг. все сильнее звучала мысль о необходимости дополнения марксистской теории общественно-экономических формаций идеями об общечеловеческих ценностях, цивилизационном подходе.

В своих научных поисках ученые обращаются к проблеме альтернативного развития страны на разных этапах советской истории. Проблема альтернативности в истории не являлась новой. В 1978 г. М. Гефтер в самиздатовском журнале «Поиски» опубликовал письмо американскому историку С. Козну «О политической биографии Н. И. Бухарина». Именно в судьбе Н. И. Бухарина он видел трагедию «альтернативы» [12, с. 201 – 203].

Об альтернативности истории советского общества в XX в. рассуждал и томский историк, профессор Б. Г. Могильницкий. В своем интервью омским историкам он говорил, что вел переписку по этим вопросам с М. Я. Гефтером и И. Д. Ковальченко [7, с. 411].

По его мнению, проблема альтернативности в истории, обсуждаемая в 1970-е гг., в конце 1980-х – начале 1990-х гг. трансформировалась в переосмысление отношения к марксистской идеологии и методологии, западной историографии.

Влияние на изменение оценки политической системы в стране оказали и труды наших соотечественников, проживавших за границей. В них высказывалась мысль, что советская политическая система – это форма тоталитаризма, характеризующая реальный социализм [4, с. 599].

Таким образом, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. начинается время методологического плюрализма в среде обществоведов. Марксистская концепция истории шаг за шагом сдает свои позиции перед западными концептуальными подходами. Отказ от марксистско-ленинской теории (в том числе части высшего руководства КПСС) означал и поражение концепции пере-

стройки, так как разрывались прежние доктринальные связи.

От историков, многие из которых сами находились в состоянии смятения и подавленности, граждане требовали дать ясные ответы. Причем от них ждали объяснений тех проблем, которые внедряли в массовое сознание публицистическая и художественная литература о преступлениях и репрессиях в годы гражданской войны, коллективизации, индустриализации, событиях Великой Отечественной войны и послевоенного периода.

В 1970-е – 1980-е гг. данные темы активно освещал самиздат. Проблема состояла в масштабах распространения такого материала. Если ранее самиздат в регионах распространялся в единичных экземплярах, то в период перестройки прежде запрещенные публикации выходили миллионными тиражами.

Однако, информируя общество о ранее неизвестных фактах и событиях, давая им субъективную оценку, некоторые публицисты и литераторы сами создавали новые мифические представления о советской действительности. Все это способствовало вызреванию предпосылки для очередного разрыва единства истории – только теперь с советским периодом.

Более того, с утратой КПСС прежнего права на трактовку истории её лидеры, в том числе инициаторы перестройки, переводились в разряд «тормозящих факторов», то есть в группу, мешавшую новым перспективам развития общества. Некоторые бывшие руководящие работники идеологического отдела ЦК КПСС сами стали издавать антикоммунистическую литературу. Развитие страны начинает увязываться с отказом от социалистической модели. В этом выборе не находилось места многим прежним советским политическим лидерам, в том числе и М. С. Горбачеву.

Начинает обосновываться несовместимость советского периода, советского менталитета с новыми политическими задачами и целями. Выбор пути в Октябре 1917 г. определяется как бесперспективный, репрессивная политика 1930-х гг. – как закономерность в развитии советского общества. Советские люди определяются унижительными терминами «хомо советикус», «совки» [17, с. 8; 6, с. 30].

Ставится другая идеологическая задача – внедрение новых идейных ценностей. Набор этих ценностей соответствовал мировоззренческим позициям разных группировок, но в основном отражал идеи разных течений диссидентов.

История советского общества становилась ключевым фактором политической борьбы, противостояния идеологий. Парадокс состоял в том, что сторонники новых подходов, разрывая ближние нити исторической связи, еще более запутывали процесс понимания пройденного страной пути.

Новая политическая ситуация резко расширит творческие возможности для исторического сообщества, создаст возможность исследовать ранее недоступные темы и проблемы, использовать новые источники. Вместе с тем значительная часть обществоведов не спешила поддерживать новации из центра и тем самым сдерживала обвальное разрушение прежних устоев и догматов.

Пройдет время и станет очевидно, что в этом жестком, построенном на политических и личных интересах мире пропагандируемые новые постулаты (индивидуализм, рынок, частная собственность, культурные ценности западного мира и др.) окажутся столь же иллюзорными, как и прежние коммунистические. Выяснится, что нет универсальных идеологических доктрин, которые дают ответы на быстро изменяющиеся процессы современного мира.

Дискуссии по методологии истории с началом XXI в. не станут носить бескомпромиссного характера, большинство ведущих историков заявит о синтезе различных подходов. Это будет характерно и для науки Сибири.

Придет понимание, что любой революционный разрыв связей с ближайшим периодом истории порождает новые катаклизмы и потрясения, разрешение которых невозможно без научного анализа ближайшего прошлого (ближний менталитет).

Эту связь необходимо восстанавливать (со всеми плюсами и минусами советского периода) для предотвращения новых потрясений. Речь идет, прежде всего, о соблюдении основополагающего научного принципа историзма в исследованиях.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в очередной раз происходит столкновение ключевых понятий: «политика» и «мораль» (общечеловеческие ценности). Политическая доктрина «общечеловеческих ценностей» будет терпеть одно поражение за другим. Рационализм и прагматизм – усиливать свое влияние и власть. Иллюзии одних явятся источником усиления власти других и в мире, и в стране.

О том, что история стала одним из определяющих факторов политической борьбы различных сил, свидетельствуют много примеров – от событий оценки Октября 1917 г. до времен Л. И. Брежнева. Остановимся на дискуссии, посвященной договору от 23 августа 1939 г. «О ненападении» между СССР и Германией.

На втором съезде народных депутатов СССР, 23 декабря 1989 г., с докладом «Об итогах работы комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года» выступил член Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлев. В нем констатировалось, что с юридической точки зрения договор не выходил за рамки принятых в то время соглашений, не нарушал внутреннего законодательства и международных обязательств СССР. «Вместе с тем ясно, что с заключением договора оказались нарушенными какие-то глубинные элементы демократического мироощущения в целом... Все это деформировало советскую политику и государственную мораль» [20, с. 531 – 533].

Абстрагирование от исторических и политических реалий предвоенного периода создаст один из прецедентов для использования истории в политических интересах. Будет умалчиваться, что подобная политическая практика была в тот период характерна для многих стран мира.

По мнению историка Н. А. Нарочницкой, «...пакт Молотова-Риббентропа 1939 г. является крупнейшим провалом английской стратегии за весь двадцатый век, и его всегда будут демонизировать».

Договор демонизирован не потому, что способствовал войне, после Мюнхена и аншлюса Австрии она была в любом случае неизбежна... Договор поменял её расписание, а, следовательно, послевоенную конфигурацию, сделав невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу, как в начале войны, ...так и после победы для её изъятия из орбиты СССР» [9, с. 53].

Рассекреченные в 2008 – 2009 гг. материалы английских архивов подтверждают концептуальную оценку событий августа 1939 г., изложенную в советской исторической литературе.

Таким образом, революционный переворот в методологии и историческом сознании носил противоречивый характер. С одной стороны – гласность, возможность доступа к новым источникам и свобода творчества в научных исследованиях способствовала творческой самореализации, созданию новых исторических направлений и школ, в том числе и на региональном уровне.

С другой стороны, произошел раскол, уход значительной части обществоведов на «политические баррикады» в зависимости от идеологических пристрастий. По существу, научное сообщество разделилось на сторонников новых ценностей и защитников социалистического выбора. Это было естественным явлением в эпоху глобальных перемен потому, что под влиянием обстоятельств, происходит переосмысление политики

и истории. Однако особо важной становилась цель новых подходов.

Для одних это открывало возможности для самовыражения, нового видения исторического пути, перспектив развития общества; для других – возможность сделать политическую или научную карьеру в связи с изменившейся конъюнктурой.

В идейно-теоретической борьбе власть в лице высших партийных руководителей, не сумев утвердить свои ценностные принципы и установки, делает постоянные уступки и уже не может противодействовать внедрению новых антисоветских мировоззренческих постулатов. Она сама начинает приспосабливаться к новым реалиям, отказываясь от марксистской доктрины. Идейную борьбу за влияние и воздействие на советских граждан партийная элита проиграла.

Приведенные данные свидетельствуют, что «революция сознания» способствовала вытеснению социалистических догматов. Их место занимают либеральные ценности, пропагандируемые новыми политическими образованиями в стране. В конце 1980-х гг. начинается процесс идейного размежевания различных группировок, в том числе и внутри КПСС. Это неизбежно приводило политические силы к практическому противостоянию для решения своих программных задач.

Источники и литература

1. ЦДНИТО (Центр документации новейшей истории Томской области). Ф. 5654. Оп. 1. Д. 11.
2. Боффа Д. От СССР к России. История неоконченного кризиса. М., 1996.
3. Власть и оппозиция. М., 1995.
4. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
5. Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Кн. 2. От Великой победы до наших дней. М., 2002.
6. Кризис как фундаментальное понятие науки. Шестые кузбасские философские чтения. 27 – 28 мая 2010. Кемерово, 2010.
7. Мир историка. Историографический сборник. Вып. 2. Омск, 2006.
8. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века. Вып. 2. Томск, 2003.
9. Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. М., 2005.
10. Очерк теории социализма. М., 1989.
11. Поиски. 1981. № 3.
12. Поиски. 1983. Ч. 1. № 5 – 6.
13. Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. Т. 2. М., 1996.
14. Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М., 1995.
15. Согрин В. Политическая история современной России. М., 2001.
16. Общественные науки и современность. 2005. № 1.
17. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008.
18. Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993.
19. Яковлев А. Н. Горькая чаша. Большевизм и реформация России. Ярославль, 1994.
20. Яковлев А. Н. Реализм – земля перестройки. Избранные выступления и статьи. М., 1990.

Информация об авторах:

Казьмин Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права КемГУ.

Vladimir N. Kazmin – Doctor of History Professor at the Department of Theory and History of State and Law Kemerovo State University.

Казьмина Маргарита Васильевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, Rita-KMV@yandex.ru.

Margarita V. Kazmina – Doctor of History, Associate Professor, Professor at the Department of Contemporary Russian History Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 27.10.2014 г.